

Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный: Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии, 1982. 84 с.

Рецензируемый тематический сборник очень невелик по объему, а вошедшие в него публикации — это, пожалуй, скорее краткие сообщения, нежели обычные статьи. Тем не менее он представляет собой заметное явление в этнографии Чечено-Ингушетии, будучи первым специальным изданием по семейному быту вайнахов. Как правильно отмечается в предисловии к сборнику, его тематика до сих пор не привлекала к себе должного внимания местных этнографов, в результате чего в изданиях регионального охвата, выходящих в Москве и в Тбилиси, вайнахская семейно-бытовая обрядность выступает «эпизодично, фрагментарно и неглубоко» (с. 3). Здесь же справедливо указывается, что данный сборник не в состоянии ликвидировать это длительное и фундаментальное отставание, но авторы его надеются привлечь широкое внимание специалистов и краеведческой общественности к тематике, составляющей одну из важнейших сторон этнографии народов мира.

В сборнике семь работ: археологическая — о реконструкции типов и структуры семьи по погребальной обрядности II—I тысячелетий до н. э. в Горной Чечне и шесть этнографических — о семейной (преимущественно брачно-свадебной) обрядности чеченцев и ингушей в XIX — начале XX в.

Реконструкция типов и структуры семьи у предков вайнахов на основе их погребальной обрядности предпринята впервые. Авторы (В. Б. Виноградов и С. Л. Дударев) тщательно анализируют значительный материал могильников эпохи бронзы и раннего железа и, опираясь на особенности захоронений, выдвигают несколько существенных идей, имеющих, как они подчеркивают, предварительный характер. С последним следует согласиться, так как принятая в современной науке процедура исторической реконструкции семьи и ее структуры по данным захоронений имеет в высокой степени гипотетический характер, а понятийно-терминологический аппарат эволюции семейных форм остается недостаточно разработанным. В частности, микроэтнография могильников указывает, по мнению авторов, на процесс обособления внутри больших патриархальных семей малых, или индивидуальных, семей, которые они, вслед за Р. Ф. Итсом¹, считают не парными и не моногамными. Но, во-первых, согласно преобладающему в советской этнографии взгляду, малые, индивидуальные и моногамные (а также простые, нуклеарные, элементарные и т. п.) семьи — это синонимы², во-вторых же, внутри больших патриархальных семей могут обособляться лишь брачные ячейки, являющиеся зародышами малых, или моногамных, семей как хозяйственных ячеек общества. Выделяемая Р. Ф. Итсом индивидуальная семья, по его же классификации, — видимо, только поздняя форма парной семьи; следовательно, она не наследница, а предшественница большой патриархальной семьи. Можно полностью согласиться с авторами, что имеющиеся в их распоряжении данные не свидетельствуют о «решающем динамично-поступательном» развитии семейных отношений в раннем железном веке, иначе говоря, они допускают обратимость этого развития (с. 11). Только дело здесь не обязательно в принадлежности моногамной семьи непременно к классовому обществу (при известных условиях она порой появляется наряду с большой семьей уже в предклассовое время). Указания на обратимость семейных форм могут объясняться и другим — так называемым семейным циклом, при котором большие семьи дробились на малые, а малые разрастались в большие. Наконец, интерпретируя одновременные разнополюсные парные захоронения, авторы не учитывают многолетний спор о том, кто погребался с мужчиной — жена или наложница³. Приводимые ими данные, как археологические, так и сравнительно-этнографические, вполне допускают предположение, что с самого начала с представителями племенной верхушки погребались наложницы, широких же слоев населения — лишь символы захоронения жены (например, косы). Таковы некоторые размышления, вытекающие из сугубой предположительности археологических реконструкций семьи и семейных отношений.

Из этнографических работ сборника крупнее и содержательнее других статья З. И. Хасбулатовой о семейных обрядах чеченцев и ингушей в конце XIX — начале XX в. В ней характеризуются формы брака, брачный возраст, брачные запреты и ограничения, обычаи, связанные с брачным выкупом, свадебная и погребальная обрядность (обычаи и обряды детского цикла рассмотрены автором особо в другом сборнике). Значительная часть приводимых сведений основана на оригинальных полевых материалах и представляет большой интерес. Интересна и интерпретация этих данных, в частности, увязка отдельных обычаев и обрядов с предписаниями адатов или шарията. Еще одно достоинство работы — четкая дифференциация в ряде случаев чеченских и ингушских семейно-бытовых традиций. В то же время некоторые положения автора представляются не бесспорными или кверными. Так, по нашим полевым данным, у чеченцев в числе разновидностей брака похищением были не только насильственное похищение (по терминологии автора, «умыкание») и похищение с согласия девушки («брак убегом»), но и фиктивное похищение с ведома и согласия всех заинтересованных сторон. Нельзя согласиться также с подразделением автором брачного выкупа у чеченцев на три части: «там» — в пользу родителей невесты, «урдо» — в пользу самой невесты на случай раз-

¹ Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974, с. 58.

² См., напр.: Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. Опыт историко-этнографического исследования. М.: Наука, 1982, с. 82.

³ Одна из последних сводок: Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). М.: Наука, 1977, с. 216 сл.

вода или вдовства и «мах» — на совершение религиозного обряда бракосочетания. Как и у других исламских народов в период вытеснения у них древнего выкупа семье невесты шариатским предбрачным даром самой невесте, у чеченцев калым делился на две части — постепенно отмиравший «там» и постепенно вытеснявший его «урдо». Что касается «мах», то по самому своему смыслу он не мог быть частью брачного выкупа, как не может быть ею, скажем, плата церковному причту за христианское бракосочетание. Думается, что автор здесь не отнесся критически к сообщениям информаторов, нередко смешивающих различные брачные платежи.

Очень мало изученной применительно к Северокавказскому историко-этнографическому региону теме посвящена публикация С.-М. А. Хасиева «Институт ухаживания чеченцев (По материалам 2-й половины XIX — начала XX в.)». Малоизученность этого сюжета понятна: характерная для региона в дореволюционном прошлом авторитарная структура семьи, освященная установлениями шариата, оставляла немного места свободе брачного выбора, а стало быть, и ухаживанию как начальному звену брачно-свадебного цикла. Не случайно предбрачное ухаживание лучше всего известно у адыгов-шапсугов, меньше других народов и этнографических групп Северного Кавказа подвергшихся исламизации. Не то у чеченцев, что делает особенно интересными соответствующие сведения о них и более всего о жителях Ичкеринского общества Чечни, собранные автором публикации. В Ичкерии даже считалось, что не только брак похищением, но и брак по сватовству (т. е. по выбору родителей) не достоин настоящего мужчины. Хотелось бы только пожелать, чтобы в своей дальнейшей работе автор четче различал два сопряженных, но не совпадающих аспекта исследования: относительно свободное общение молодежи, открывающее возможности знакомства и ухаживанию вообще, и ухаживание именно за своей невестой. Такая дифференциация важна потому, что у большинства народов региона — от Дагестана до Шапсугии — с помолвкой начиналось избегание между женихом и невестой, в одних случаях полное, в других случаях — по крайней мере при старших родственниках и соседях.

С публикацией С.-М. А. Хасиева перекликается близкая, но более широкая по охваченным сюжетам публикация Ф. И. Кудусовой «Досвадебные обряды ингушей в дореволюционном прошлом». Здесь вопрос о добрачном ухаживании освещен яснее для ингушей: после договора родителей жених мог видеться с невестой, но не на глазах старших (с. 52). В другом месте автор сопоставляет добрачные обычаи ингушей и чеченцев и отмечает, что у последних девушка имела большие возможности общения с юношами, что позволяло ей выбирать суженого по велению сердца. Это сопоставление, да и вообще сравнение обычаев добрачного общения молодежи у чеченцев и ингушей подводит нас к вопросу более общего порядка. Чем объяснялась такая относительно большая свобода чеченской молодежи: остатками архаических доисламских порядков, как это считает С.-М. А. Хасиев, или новшествами, выразившимися в ослаблении авторитарной семьи в XIX в.? Известно, что у ингушей дольше и полнее сохранялась большая патриархальная семья с присущей ей авторитарностью родительской власти; у чеченцев же значительно раньше возобладали малосемейная организация с ее сравнительно более либеральной структурой. Думается, что второе из этих решений ближе к истине, хотя, разумеется, вопрос еще требует дальнейшего углубленного исследования.

Следующая публикация — «Об эстетике свадебной обрядности вайнахов» (автор А. Х. Танкиев) — также посвящена былой, традиционной свадьбе. Автор анализирует вайнахскую (преимущественно ингушскую) свадебную поэзию, в меньшей степени музыкальный и танцевальный фольклор, а также конные состязания. По существу работа несколько шире заглавия, так как в ней рассматриваются также и этические аспекты свадебной поэзии и, в частности, показано, что под фигурирующей в песнях «знатностью» имеется в виду не социальная, а моральная характеристика родни жениха и невесты.

Содержание статьи З. А. Мадаевой «Новогодняя обрядность в семейном быту вайнахов» также несколько шире ее заглавия, так как речь в ней идет о праздновании Нового года не только в семейном, но и в общественном быту. Автор детально рассматривает религиозно-магическую и игровую стороны новогодней обрядности, останавливаясь и на некоторых ее локальных элементах (например, на обряде наречения в этот день имени новорожденному у горных ингушей). Описание обрядов сопровождается их историко-культурной интерпретацией, представляющей совершенно правильной.

Сборник заключается заметкой Э. Д. Мужухоевой «Некоторые изменения в семейно-бытовых отношениях вайнахов во второй половине XIX в.». Эти изменения, правовой основой которых стало восстановление уже в ходе Кавказской войны народных адатов в противовес шариату и попытка модификации адатов особыми «правилами для управления чеченским народом», касались прежде всего облегчения положения горянки. В частности, согласно новым правилам, «никто не мог заставить девушку выйти замуж за нелюбимого человека» (с. 80 — ср. выше наше предположение об относительной свободе чеченской молодежи скорее как о нововведении, чем как о реликте древних порядков). Начиная с 1860-х гг. собраниями выборных лиц и народными сходами принимались постановления о праве жены на развод в случае варварского с ней обхождения, об отмене калыма, об усилении наказаний за посягательства на честь женщины. Постановления эти, однако, почти не реализовывались, что уже неоднократно отмечалось в литературе в отношении других народов Северного Кавказа, в особенности осетин, кабардинцев и балкарцев. В данной связи показательны, что концовка заметки Э. Д. Мужухоевой заметно скромнее ее заглавия: «Таким образом, несмотря на некоторые тенденции к изменениям в семейно-бытовых отношениях, направленные на возможное улучшение положения женщины, она оставалась таким же бесправным членом общества и семьи, как и прежде» (с. 82).

Подытоживая сказанное, заметим, что рецензируемый сборник при всем своем незначительном объеме вводит в научный оборот немалый новый этнографический материал по вайнахской семье и прямо или косвенно поднимает ряд новых вопросов кавказоведения. По сравнению с этим не такими существенными кажутся отдельные недочеты, о которых говорилось выше. Вместе с тем хотелось бы пожелать, чтобы актуальная, практически значимая тема семейно-бытовой обрядности отражалась бы этнографами Чечено-Ингушетии в публикациях, посвященных не только дореволюционному прошлому, но и советскому времени. Этнографическая работа в этой области тем важнее, что новая семейная обрядность у народов Чечено-Ингушетии в силу ряда исторических причин развивается медленнее, чем у других народов региона.

Я. С. Смирнова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Н. А. Ерофеев. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. М.: Наука, 1982, 319 с.

Материалы «круглого стола», недавно проведенного журналом «Советская этнография» по проблемам этнической психологии (см. 1983 г., № 2—4), показали, с одной стороны, большую научную и практическо-политическую значимость этих проблем и актуальность их разработки, с другой — большую сложность таких исследований. Последнее особенно относится к исследованиям в области исторической этнопсихологии. В этой связи рецензируемая книга заслуживает самого пристального внимания как оригинальная, по существу, единственная за много лет работа такого рода, написанная советским ученым и посвященная главным образом изучению этнических представлений русских об англичанах во второй четверти XIX в.

В главе первой «Этнические представления» рассмотрено понятие «этническое представление» как «словесный портрет или образ чужого народа» (с. 7), связь его с понятием «психический стереотип» — «застывшее изображение, механически воспринятое и некритически усвоенное» (с. 7), показана видная роль этнических представлений в общественной жизни и прежде всего в отношениях между народами и оценена возможность использования таких представлений для изучения особенностей психического склада того или иного народа или национального характера (автор не делает особых различий между этими двумя понятиями).

В главе второй — «Источники» — дан очень важный для данного исследования обзор материалов, на основании которых в рассматриваемый период у русских складывалось представление об Англии и англичанах. Первое место среди них автор отводит «печатному слову», т. е. газетам, журналам и книгам, отмечая многочисленность этих источников и крайне малые тиражи (общее число подписчиков на газеты в то время составляло 12—15 тыс. чел.), а также строгости цензуры. Автор отмечает, что информация из-за границы в русской прессе была очень скудной и ограничивалась в основном перепечаткой из иностранных газет и журналов. В связи с этим важным источником формирования представлений об англичанах были рассказы русских людей, побывавших в Англии. Правда, таких поездок в отличие от поездок во Францию и даже в Германию и Италию было сравнительно немного, почти все путешественники побывали только в Лондоне и лишь немногие опубликовали свои наблюдения — за рассматриваемый период вышло лишь около десятка книг и брошюр (с. 44). Основным недостатком этих источников автор усматривает в стремлении делать на основании немногих фактов «широкие и поспешные обобщения» и, как отмечал Белинский, «видеть в той или другой стране не то, что в ней есть, но то, что они заранее еще у себя дома решались в ней видеть вследствие односторонних убеждений, закоренелых предубеждений или каких-нибудь внешних целей и скрытых расчетов» (с. 49).

В главе третьей — «Вещественная цивилизация» — даны представления русских о хозяйстве Англии, ее политической системе, социальных проблемах, духовной жизни. Автор отмечает, что в глазах многих русских в то время именно Англия с ее сильно развитым промышленным капитализмом «как бы воплощала Запад, западную цивилизацию» (с. 77), поэтому ее положительные и отрицательные черты часто использовались в спорах «западников» и «славянофилов» о возможном историческом пути развития России.

В российской печати отмечалось высокое промышленное развитие Англии, но значение его обычно приписывалось роли торговли, в которой видели главный источник английского богатства, финансовой мощи Англии.

Пытаясь объяснить экономические успехи англичан, некоторые авторы того времени обращались к особенностям английского национального характера, отмечая у англичан, например, «дух трудолюбия, предприимчивости, порядка и бережливости» (с. 100). Вместе с тем сообщалось о существовании в Англии острых социальных проблем, связанных прежде всего с имущественным неравенством, наличием многочисленных групп населения в состоянии нищеты, тяжелыми условиями труда женщин и детей и т. п. Оценка социально-политического устройства англичан была различной: одни авторы изображали Англию как «гнездо смут и беспорядков», другие — как «дочь любимую свободы». Это, по мнению Н. А. Ерофеева, отражало, с одной сто-